

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Миссия прикладного психоанализа: история и современность

В.А. Медведев

Медведев Владимир Александрович – кандидат философских наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта RUSSIAN IMAGO. Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра.

В статье представлен историко-генетический подход к описанию природы и миссии прикладного психоанализа как эффективной комплексной методики антикризисного управления собой, малой группой, социальной элитой, конкретной массой людей или же обществом в целом. В качестве иллюстрации применения подобного рода методики автором предложен анализ ее реализации в сфере организации психоанализа как профессиональной корпорации.

Ключевые слова: психоанализ, прикладной психоанализ, Фрейд, антикризисный менеджмент, психоаналитическая профессиональная корпорация.

Если предварительно договориться о том, что под термином «прикладной психоанализ» мы по сложившейся традиции¹ понимаем любые неклинические формы практического применения фрейдовской концепции бессознательных психических процессов, то получается, что на протяжении уже более чем столетнего периода своего становления и развития он последовательно принимал совершенно разные обличия.

Каждая из попыток его создания и развертывания порождала нечто особенное, всегда оригинальное, вполне жизнеспособное и успешно применимое в социокультурной психоаналитической практике; применимое и изначально, и поныне.

Краткий обзор этих попыток, выстроенный по логике их генетической хронологии, демонстрирует весьма любопытную последовательность различных по форме, но единых по содержанию и дополняющих друг друга «прикладных» психоаналитических проектов. Проектов, очевидно не в полной мере реализуемых сегодня в психоаналитической практике, а потому – концептуально эвристичных и перспективных для реализации.

1) Изначально, в 1896–1899 годах, прикладной психоанализ возник как культурологическое обоснование сновидческого самоанализа Зигмунда Фрейда, как некая точка опоры, необходимая для придания «бессознательному психическому» статуса «подлинной реальности», как своего рода страховка в опасном деле погружения в глубинные слои неосознаваемой памяти. Символика мифа и детской сказки, образы художественной культуры (и прежде всего – Софокла, Шекспира и Гете), ассоциативные ряды актуального социокультурного опыта (т.н. «дневного остатка») стали для основоположника психоанализа тем материалом, на проработке которого он создал основы практической (прикладной) психоаналитической процедуры как *культурально нагруженного самоанализа*. В данном своем качестве практический анализ был методически сформирован и предъявлен миру в универсальном виде, приложимом буквально к каждому из нас; и потому книга «Толкование сновидений» до сих пор находится над схваткой различных школ и направлений современного психоанализа.

Уже в этом изначально виде прикладной психоанализ продемонстрировал возможность его использования в качестве своего рода «строительных лесов» для создания «психоаналитичности» как особого типа персонального исследовательского самоотношения. Материалом для построения таких «лесов» для Фрейда послужили иудаистские, древнеегипетские и древнегреческие мифы, дополненные материалами его «семейного

¹ Сам Зигмунд Фрейд эту традицию неоднократно критиковал, признавая за нею, правда, практическую значимость: «Из практических соображений – также и для наших публикаций – мы усвоили привычку отделять врачебный анализ от прикладного анализа. Это неправильно. На самом деле разделительная черта проходит между научным психоанализом и его применениями в медицинской и немедицинской областях» (З. Фрейд, 1927а, с. 348). Но мы в этой статье будем придерживаться именно традиционного понимания «прикладного» психоанализа как сферы психоаналитической практики и связанных с нею объяснительных моделей, непосредственно не связанной с психотерапевтической практикой.

романа», его личной мифологии. Психоанализ же при этом становился процедурой рационально-волевого контроля над собой, средством трансформации индивидуальной психопатологии (наличной или же латентной) в нечто странное, чаще всего описываемое как внутренний диалог в измененном состоянии психики, но при этом интегрируемое в культуру и социальность, и уже потому «нормальное».

Властвовать над собою, т.е. быть субъектом воли, а не игрушкой в руках неосознаваемых, но всевластных детерминантов нашей психики, оказалось возможным лишь на основе продуктивного диалога с собственными глубинными психическими содержаниями². Диалога, переживаемого тем, кто проходит свой анализ, неважно – самостоятельно, в аналитическом тандеме или же в группе.

Таким образом, впервые появившись на свет в качестве практической (культуральной) поддержки процедуры исследовательского самоанализа и более или менее согласованной совокупности обслуживающих такую поддержку гипотез, прикладной психоанализ уже обозначил основной смысл своей миссии, где бы она ни развертывалась. Речь идет об *использовании культурного наследия человечества для внесения порядка и логики³ в Хаос глубин нашей психики, спонтанное саморазвитие которого угрожает самым священным гуманитарным ценностям – здоровью и благополучию индивидов, а также стабильности и эффективности социальных групп.*

2) Небольшая пауза в интеллектуальной и прикладной экспансии психоанализа, возникшая после опубликования «Толкования сновидений» (1900) и заполненная тихой работой самой книги, вербовавшей и знакомившей друг с другом первое поколение психоаналитиков, была использована Фрейдом для того, чтобы превратить призыв к самоанализу («Познай самого себя!») из акта героически рискованного приключения в профессионально ориентированную когнитивную задачу.

Найденное им при зондировании глубин собственной психики знание было развернуто на плоскости обыденного опыта каждого из нас. «Бессознательное» (как совокупное воздействие некоего набора неосознаваемых мотивационных стимулов) было выслежено и обозначено в языковых ошибках и поведенческих промахах, в остроумии и нарушениях памяти, в сексуальном опыте и странностях детского поведения.

Можно сказать, что в этот период, т.е. в 1900–1906 годах, прикладной психоанализ принял форму *провокационной модели «знания о Бессознательном», используемого для формирования*

² Культуральную «развертку» такой возможности, определившую границы свободы воли индивида, Фрейд описал в заключительной главе «Психопатологии обыденной жизни», посвященной проблеме сверхдетерминации психики со стороны бессознательного (З. Фрейд, 1901b, с. 254–292).

³ Возможно, точнее было бы сказать – для внесения иллюзии порядка и логики в форме принимаемых на веру «психоаналитических конструкций». Но такое уточнение ничего не изменит в смысле сказанного, поскольку психоанализ критичен не по отношению к иллюзиям и мифам как таковым; объектом его критики являются лишь патогенные иллюзии и мифы (З. Фрейд, 1927 с).

«психоаналитичности» как особого типа мировоззрения, опирающегося на изначально пугающий тезис о тотальном контроле таинственной «встречной воли» над всей совокупностью наших сознательных намерений.

Это было второе явление миру прикладного психоанализа, явление как методики недирективного ментального контроля над небольшой группой пока еще условных единомышленников, переживающих однотипный опыт соприкосновения с Бессознательным, из которых нужно было сформировать эффективную профессиональную корпорацию. Причем сформировать в парадоксальном режиме, т.е. при отсутствии самой профессии как таковой. Для психоанализа это, к сожалению, типично. *Здесь не профессиональные интересы порождают корпоративность как средство их защиты и обоснования, а напротив – созданная на основании мировоззренческой конгенитальности (как своего рода «единоверия») и самовоспроизводящаяся корпоративность порождает профессию, как форму своего ритуального отыгрывания.*

В поле осмысления совместного ритуализированного переживания опыта контакта с Бессознательным («*нуминозного опыта*») все первые сподвижники Фрейда – врачи, художники, музыканты, журналисты и даже один выпускник ремесленного училища – превращались в единое целое, в коллективное тело, абсолютно послушное воле и фантазиям своего лидера и органично принимающее производные от его персональной психодинамики смыслы и символы, а также корпоративные ценности и ограничения.

3) Третий лик прикладного психоанализа обозначил возможность несилового решения задачи контроля над сознанием интеллектуальной элиты, совокупными усилиями которой формируются те смысловые и ценностные модели мировоззренческого уровня, посредством которых человеческое сознание («совместное знание») воспроизводится и системно организуется. Таким образом психоаналитические подходы показали свою эффективность не только в области власти над собой и власти над небольшой группой, сплоченной единым мистическим переживанием, но и как основа властвования над умами, как средство целевого интеллектуального доминирования.

Этот период уже групповой работы первого поколения психоаналитиков (1907–1914 гг.) породил прикладной психоанализ как особого рода гуманитарную метанауку, **как универсальную модель истолкования (интерпретации) культурного достояния человечества и ритуалов цивилизационного освоения последнего.** Эту задачу Фрейд реализовал под весьма характерным лозунгом: «Превратим метафизику в метапсихологию!». Из ближнего круга обыденного опыта «охота за Бессознательным» переместилась на общекультурное поле, где перед ее участниками открылись необозримые горизонты.

Здесь стоит вспомнить знаменитую фрейдовскую метафору из «Тотема и табу» (1912 г.): «Автор находится в положении мальчика, который нашел в лесу гнездо хороших грибов и прекрасных ягод и созывает своих

спутников раньше, чем сам сорвал все, потому что видит, что сам не в состоянии справиться с обилием найденного» (З. Фрейд, 1912–13а, с. 196).

Именно в эти годы из уст основоположника психоанализа впервые прозвучал призыв о пополнении рядов соратников за счет представителей университетского гуманитарного знания (историков, этнологов, антропологов, лингвистов, и пр.), призыв, который был концептуально обоснован в работе О. Ранка и Г. Закса «Значение психоанализа для гуманитарного знания» (1913 г.) (Ранк О., Закс Г., 1913). Напоминаю, что именно этим текстом, наряду с первой частью «Тотема и табу», откуда я позаимствовал приведенную выше фрейдовскую цитату, открывался пилотный выпуск знаменитого журнала «Imago» (подзаголовок которого звучал так: «Журнал о приложениях психоанализа в области гуманитарного знания»).

Сам Фрейд подарил нам в этот период творчества целую россыпь классических образцов искусства интерпретации феноменов культурной среды. Причем речь идет не только о его попытках психоаналитически истолковать религиозные ритуалы, пьесы Шекспира, картины Леонардо или же скульптуры Микеланджело⁴. Практически все опубликованные им в этот период т.н. «классические клинические случаи» («маленький Ганс» и «Дора», «Человек с крысами», «Человек с волками», «Шребер», позднее – «Вильсон») представляли собою исследования отдельных культур или же отдельных их элементов, проведенные на материале индивидуальной психопатологии, которая использовалась как ключ к истолкованию скрытой специфики тех или иных национально-культурных психотипов.

4) Сразу же после окончания Первой мировой войны психоанализ, в военные годы практически лишившийся своей привычной клинической базы, возродился в новом для себя и уже исключительно «прикладном» варианте.

Он предложил союз государственной власти, а его адепты готовы были встать в ряды государственных служащих. Пятый Конгресс IPA в Будапеште (1918) был организован по инициативе и на средства министерств обороны Германии и Австрии, ясно сформулировавших запрос на «социальную терапию» целого поколения людей, травмированных крахом иллюзий имперского величия, мучительно переживавших шок военного поражения и распада традиционного жизненного уклада.

Тут стоит особо отметить, что проекты деятельного сотрудничества с государственными структурами сформировались в психоаналитических сообществах стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне, причем во всех этих странах они в итоге так и не стали реальностью. В Германии, скажем, применение теории бессознательного в области восстановления глубинно-психологических основ традиционной национальной государственности («третьего рейха») было вытеснено архаической мистикой арийского мифа, а в Советской России претензии «фрейдизма»

⁴ В относительно полной своей совокупности русские переводы этих фрейдовских работ были опубликованы в сборнике «Художник и фантазирование» (Фрейд, 1995).

на идеологический контроль были деятельно пресечены вновь сконструированной идеологией т.н. «ленинизма» (т.е. силового государственного контроля, опирающегося на машину аппаратной силовой диктатуры, а не на психотехнологии недирективного управления).

И все же, даже не став востребованным компонентом государственного управления и социального контроля, прикладной психоанализ был внятно сформулирован в этот период (1918–1925 гг.) именно *как идеология, т.е. как теория и практика управления массовыми процессами*.

Концептуальные и методические наработки этого четвертого этапа развития прикладного психоанализа позволяют выстраивать регулятивную работу с массовыми процессами при решении как частных управленческих задач, так и проблемы поддержания самой динамики нефобийного массообразования, т.е. стабильной «социальности» как таковой.

5) Самым же продуктивным временем в развитии прикладного психоанализа стала вторая половина 20-х годов. Начало нового периода этого развития было обозначено работой Фрейда «Проблема дилетантского психоанализа. Дискуссия с Посторонним» (1926 г.), где психоанализу была поставлена новая цель – стать своего рода «светской Церковью» по модели «Армии Спасения» и принять на себя бремя реальной духовной власти (З. Фрейд, 1926е, с. 340). Окончание же периода ознаменовано книгой «Неудовлетворенность культурой» (1930 г.), где основоположником психоанализа была обозначена программа «социальной терапии», т.е. диагностики и психокоррекции целых культурных сообществ (З. Фрейд, 1930а, с. 268–269).

В промежутке между этими датами появилась психоаналитическая концепция культурной среды, обозначившая последнюю как эффективное средство контроля над агрессивностью, изначально присущей человеческим индивидам, и отгремела знаменитая дискуссия о «дилетантском психоанализе» (1926–27), отделившая друг от друга, и концептуально, и организационно, медико-ориентированные (англо-американские) и социокультурно-ориентированные (континентальные) подходы к миссии психоанализа.

В качестве *методики и техники «социальной терапии»* прикладной психоанализ достиг к этому времени высшего уровня своих притязаний на роль универсального инструмента социокультурного контроля (запрета) и управления (предписания). Для приложения нового инструментария к социальному полю Фрейдом была разработана динамическая модель коллективной психики, а также обозначены подходы к практическим методикам коррекции коллективного «Id» (филогенетических ресурсов психики), коллективного «Ego» (цивилизационных ритуалов) и коллективного «Super-Ego» (социальных норм, запретов и предписаний).

Пятый этап помог сформировать методики эффективного политического управления в условиях принятия обществом либерально-демократических ограничителей в отношении властвующей воли. От методологии точечных символических раздражителей психоанализ переходит при этом к формированию системных иллюзий (социальных мифов), к фиксируемым в режиме искусственной коллективной невротичности

массовым фантазиям и ритуальным формам их цивилизационного отыгрывания. На этом этапе решалась задача его превращения в идеальную и эффективную идеологию, основанную на власти актуальных («живых») символов и мифов над поведением индивидов и масс.

б) Шестой этап эволюции прикладного психоанализа (1931–1939 гг.) продемонстрировал возможность *массового (этнокультурного) регулирования поведения людей*, возможность моделировать и корректировать социально-психические процессы национального, цивилизационного и даже планетарного уровня. Абстрактные поначалу идеи «социальной терапии» в поздних фрейдовских лекциях по введению в психоанализ (1933) приобрели воплощение в ряде конкретных прикладных методик; тут стоит вспомнить, например, сформулированную там методику универсальной «психоаналитической прививки» (З. Фрейд, 1933а, с. 569–570), а проведенная Фрейдом в 1938 году операция на теле исторической памяти конкретного этноса – родного ему еврейского народа – открыла новую эпоху в искусстве управления массами, не опирающемся уже на конфронтационные (классовые или же национальные) мифы (З. Фрейд, 1939а).

Завершив эту задачу (а точнее – наметив ее методические контуры, ведь значительная часть еврейского народа все же предпочла сионистский миф психоаналитическому), Зигмунд Фрейд ушел из жизни. Ушел, исполнив взятую на себя миссию и став персонификацией того самого психоаналитического мифа, который он всю свою жизнь создавал и совершенствовал как основание самой возможности любого рода прикладного психоанализа.

Завершая этот историко-генетический обзор, можно сделать вывод о том, что подобного рода подход к прикладному психоанализу позволяет не просто описать его как набор рядоположенных гипотез и методик, а увидеть динамику их вызревания и взаимопроникновения (своего рода методологического сгущения) по мере перехода на новые уровни решаемых практических задач.

В основании же этого видения лежит понимание того, что на любом уровне его рассмотрения *прикладной психоанализ есть эффективная методика антикризисного управления собой, профессиональной группой, социальной элитой, конкретной массой людей или же обществом в целом*⁵.

Эффективность подобного рода антикризисного управления обеспечивается соблюдением главного правила применения психоанализа вне зоны сугубо клинической (психотерапевтической) практики.

⁵ В этом перечне явным образом не хватает упоминания эффективной методики антикризисного управления другим человеком или малой группой. Но здесь специализируется т.н. «клинический психоанализ», традиционно выделяемый из прочих разновидностей прикладной психоаналитической практики в отдельную область профессиональной деятельности. И потому, следуя логике такого искусственного разделения, мы тут не упоминаем и не анализируем эти управленческие возможности психоанализа.

Сформулировать это правило можно следующим образом: *на каком бы уровне мы не решали управленческие задачи: в рамках исследовательского или тренингового самоотношения, в области индивидуально-группового консультирования, при работе с организациями, с динамикой массовых процессов и т.д. – мы всегда ориентируемся на решение многоуровневой комплексной задачи, включающее в себя все перечисленные выше концепции и методические подходы, созданные Зигмундом Фрейдом, его учениками и последователями.*

Причем такое решение всегда «психоаналитично». Это означает, что, во-первых, оно принципиально конкретно, привязано к актуальной индивидуальной, групповой или массовой психодинамике, погруженной «здесь и сейчас» в конкретный социокультурный контекст. А во-вторых, оно основано на опыте обобщения содержания опять же актуальной, «здесь и сейчас» развертываемой, клинической практики, становящейся, таким образом, своего рода экспериментальной базой для любых прикладных психоаналитических исследований и разработок.

Здесь можно (и даже должно) подчеркнуть, что *прикладного психоанализа как отдельной самостоятельной концепции и реализующих ее методик узко специализированной профессиональной деятельности нигде и никогда не существовало.* А существовал всегда и существует донныне психоанализ как неразрывное единство метапсихологических принципов, теоретических концепций и их практических приложений, совместно реализуемых в уникальной управленческой ситуации, рассматриваемой в контексте конкретного типа «соприкосновения с Бессознательным» индивидов, групп и человеческих масс.

Каждый из описанных нами выше этапов эволюции прикладного психоанализа представлял собою вариант синтеза психоаналитической теории бессознательных процессов (в том ее виде, в каком она сложилась к определенному времени) и конкретной управленческой задачи (задачи упорядочивания Хаоса), которую никак не удавалось решить традиционными методами. Причем синтез этот формировался не на голом месте, а с активным привлечением ряда традиционных и актуальных содержаний культурной среды и описывающего ее гуманитарного знания. Психоанализ же служил при этом не просто фундаментом для подобного культурального синтеза, но и связующей средой, универсальной описательной моделью и прикладной методологией, для всех его разнородных и перманентно изменяющихся компонентов.

Алгоритм психоаналитического «антикризисного управления» весьма эффективен, но столь же и разрушителен. *Психоанализ не помогает преодолеть изначальный конфликт; он убивает проблему вместе с ее первопричиной* (невротическим типом самоотношения, разрушительной групповой динамикой, уязвимой идеологической системой или же патогенной филогенетической традицией, господствующей над этносом).

Но это «убийство» не фатально. За анализом всегда следует синтез, за критикой и разрушением – обоснование и созидание. Подрывая патогенные иллюзии и мифы, прикладной психоанализ формирует новую веру, новые иллюзии и новые смыслы. Формирует, каждый раз выстраивая

уникальную «психоаналитическую конструкцию», суггестивно ее закрепляя и подключая к эмоциональной и деятельностной жизни людей.

Итак, резюмируем: *антикризисное управление, основанное на коррекции индивидуальной, групповой или же массовой динамики регулирования глубинных психических процессов – это и есть миссия прикладного психоанализа как социально ориентированной практики.*

Традиция психоаналитической дидактики требует тут пояснительного и наглядного примера применения подобного рода комплексной и всегда конкретно реализуемой прикладной психоаналитической процедуры. Любого рода рассуждения на тему психоанализа должны результироваться конкретным «кейсом», т.е. демонстрацией их практического применения; в прикладном психоанализе это требование не менее очевидно, чем в клиническом.

При попытке следовать этому правилу мы сталкиваемся с проблемой, причину которой здесь анализировать не будем (она требует отдельного и подробного разговора), но попробуем рассмотреть ее феноменально, в режиме описания.

Дело в том, что прикладные психоаналитики «постфрейдовской» эпохи, в отличие от самого Фрейда, последовательно расширявшего диапазон применимости психоанализа при решении антикризисных управленческих задач с сохранением единства многоуровневой («синтетической») теории и методологии прикладного психоанализа, зачастую не полагали и не полагают подобного рода «синтетичность» обязательной. Они работают на различных уровнях организации и проведения прикладных психоаналитических практик: персональном, групповом, организационном, массовом, национальном; работают, прагматически решая поставленные перед ними задачи, но не подключая к их решению весь потенциал прикладного психоанализа.

При этом различные прикладные задачи: персональный мотивационный психоаналитический тренинг, групповой или организационный консалтинг, психоаналитические экспертные и методические разработки в области политанализа, рекламы, связей с общественностью, работы в медиа-средах и т.п., проводятся изолированно от прочих форм прикладных психоаналитических практик, от их концептуальных и методических обобщений. А «психоаналитичность» такой работы, порою оторванной к тому же и от актуальной клинической практики, и от фрейдовской метапсихологии, зачастую сводится лишь к терминологической «обертке», под которой таятся традиционные манипулятивные методики.

И все же есть один пример (прикладной психоаналитический «кейс»), на котором можно проследить взаимодействие всех шести уровней прикладной психоаналитической практики, увидев их в их реальном, конкретном и продуктивном взаимодействии.

Это пример системной и многоуровневой самоорганизации самого психоаналитического сообщества.

Тут стоит особо подчеркнуть, что, следуя великому принципу: «Врачу, исцелися сам!», психоанализ (и прикладной, и клинический) обязан прежде всего своим собственным персональным составом и своей собственной корпоративной организацией демонстрировать декларируемые им возможности в области управления динамикой психического здоровья и коммуникативного успеха. Понятие «дикого» психоанализа соответствует, по моему мнению, той недопустимой ситуации, когда «психоаналитик-клиницист» решает на доверившемся ему пациенте свои личные невротические проблемы, а «психоаналитик-прикладник» пытается выбиться из элементарной нищеты, громогласно предлагая на продажу «универсальные технологии эффективного управления и контроля».

Давайте попробуем провести своего рода «инвентаризацию» актуального состояния эффективности современного прикладного психоанализа на всех уровнях решаемых им внутрикорпоративных задач:

- в качестве концептуально нагруженного самоанализа прикладной психоанализ эффективно применим сегодня в сфере профессионального психоаналитического тренинга;

- в качестве провокативного «знания о бессознательном», стимулирующего самоорганизацию групповых процессов в русле эффективной профессиональной деятельности, прикладной психоанализ весьма эффективно работает в системе профессионального психоаналитического обучения;

- как увлекательная интерпретационная игра он используется сегодня достаточно широким слоем интеллектуалов (называемым Фрейдом «амортизационным слоем психоанализа») для обозначения своей культурной инаковости, своей критичности по отношению к обыденной реальности культуры, языка, идеологии и социальности. Сегодня, правда, в данном отношении чаще используется не классический психоанализ, а производные от него интеллектуальные традиции, преломляющие критический заряд идей Фрейда через работы Гуссерля, Хайдеггера, Дерриды, Фуко, Делёза с Гваттари и прочих культовых авторов контркультурных концепций;

- описанные Фрейдом прикладные психоаналитические методики выстраивания закрытой и эффективно управляемой массы по типу пирамидально организованного «религиозного ордена», т.е. чего-то среднего между церковью и войском, и контроля над нею нашли себе применение в организации корпоративной среды психоаналитических сообществ;

- в качестве «социальной терапии» как комплексного организованного вторжения в основы коллективной мифологии, ритуалистики, динамики группового Super-Ego и пр. прикладной психоанализ неоднократно применялся в новейшей истории психоаналитического движения во время каждого этапного пересмотра классического наследия, т.е. каждого рецидива отыгрывания «мифа об отцеубийстве». Сегодня результаты этого «коррекционного мифотворчества» существуют под обобщенным наименованием «современный психоанализ».

В этом *внутрикорпоративном применении* психоаналитических управленческих технологий находят выражение все наработанные Зигмундом Фрейдом и изначально заложенные им в содержание психоаналитического профессионального тренинга и психоаналитической профессиональной корпоративности технологии эффективного антикризисного управления.

И не просто находят выражение, но и активно применяются, воспроизводятся в актуальном виде, сохраняя и приумножая свой управленческий потенциал. Причем потенциал высочайшего уровня действенности и проработанности, поскольку особый характер и персональной «психоаналитичности», и психоанализа как профессии формирует уникальные требования к персональному тренингу, к обучению, к супервизионному контролю (индивидуальному и групповому) и к корпоративной организации.

Но вне самой психоаналитической корпорации в определенной своей части, и прежде всего – в своем комплексном, многоуровневом и системном применении, этот управленческий потенциал прикладного психоанализа видится сегодня не полностью реализованным.

Это объясняется как отсутствием системной специализированной профессиональной подготовки – «прикладного», т.е. ориентированного на исключительно социокультурные практики антикризисного управления, психоаналитического обучения и тренинга, так и сложностью согласования опыта клинических и прикладных практик.

В качестве практически единственного позитивного примера продвижения в России опыта и такой подготовки, и такого согласования можно назвать, пожалуй, только магистерские программы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и бизнес-консультирование».

Данный опыт позволяет именно в Журнале клинического и прикладного психоанализа НИУ ВШЭ ставить подобного рода вопросы и квалифицированно обсуждать пути и механизмы их решения.

Для выхода современного глубинно-психологического знания и связанных с его применением управленческих технологий за пределы того узкого корпоративного круга, внутри которого они ныне воспроизводятся, необходимо построить новый вариант приложения теории бессознательных психических процессов к болевым точкам нашей сегодняшней жизни; построить рабочую, привязанную к социокультурным реалиям, модель «прикладного психоанализа» и применить ее при решении назревших управленческих антикризисных задач. Причем таких задач, которые уже и вправду не поддаются никакому иному их разрешению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведев В.* В поисках жанра: прошлое, настоящее и будущее прикладного психоанализа в России // *Russian Imago 2001. Исследования по психоанализу культуры.* СПб: Алетейя, 2002. С. 499–530.

2. Ранк О., Закс Г. Значение психоанализа в науках о духе. СПб.: Книгоиздательство М.В. Попова, 1913. 178 с.
3. Фрейд З. (1900а) Толкование сновидений // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. М.: «Фирма СТД», 2008. 680 с.
4. Фрейд З. (1901b) Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 8. СПб.: ВЕИП, 2018. С. 25–292.
5. Фрейд З. (1912–13а) Тотем и табу // Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. Книга первая. Тбилиси: Мерани. 1991. С. 193–350.
6. Фрейд З. (1926е) К вопросу о дилетантском анализе: беседы с посторонним // Фрейд З. Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 271–341.
7. Фрейд З. (1927а) Послесловие к «Вопросу о дилетантском анализе» // Фрейд З. Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 342–349.
8. Фрейд З. (1927с) Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 135–190.
9. Фрейд З. (1930а) Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 191–270.
10. Фрейд З. (1933а) Новый цикл лекций по введению в психоанализ // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 1. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 438–599.
11. Фрейд З. (1939а) Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 455–584.
12. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.

Mission of applied psychoanalysis: history and modernity

V.A. Medvedev

Medvedev Vladimir Aleksandrovich – Ph.D., full member and head of the Russian branch of the International Society for Applied Psychoanalysis (ISAP), head of the international research project RUSSIAN IMAGO. Director of educational programs of the St. Petersburg Psychoanalytical Center.

The article presents a historical and genetic approach to describing the nature and mission of applied psychoanalysis as an effective complex method of anti-crisis management of oneself, a professional group, social elite, a specific mass of people, or society as a whole. As an illustration of the application of this kind of technique, the author proposes an analysis of its implementations in the field of organizing psychoanalysis as a professional corporation.

Keywords: psychoanalysis, applied psychoanalysis, Freud, anti-crisis management, psychoanalytic professional corporation.